

Максимов Владимир Владимирович

ВОЕННАЯ ПОВЕСТЬ В. БЫКОВА (ОПЫТ НАРРАТОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ)

Основная цель статьи заключается в разработке нарратологической типологии военных повестей В. Быкова. Предлагается видение 4 основных повествовательных моделей на основании способов организации эпической ситуации, конфликта и системы персонажей. Двадцать одно произведение автора распределяется по данным моделям, делаются выводы о диахронологическом статусе каждой из групп.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 128-130. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82.0

Филологические науки

Основная цель статьи заключается в разработке нарратологической типологии военных повестей В. Быкова. Предлагается видение 4 основных повествовательных моделей на основании способов организации эпической ситуации, конфликта и системы персонажей. Двадцать одно произведение автора распределяется по данным моделям, делаются выводы о диахронологическом статусе каждой из групп.

Ключевые слова и фразы: военная повесть; нарратологическая типология; эпическая ситуация; конфликт; система персонажей.

Максимов Владимир Владимирович, к. филол. н., доцент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

v_v_maksimov@rambler.ru

ВОЕННАЯ ПОВЕСТЬ В. БЫКОВА (ОПЫТ НАРРАТОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ)[©]

Одной из аксиом современной теоретической поэтики является представление о том, что человек (образ человека) остается организующим центром художественного произведения [1]. Оно может быть использовано в рамках современной нарратологии [11] в качестве основания для построения типологии повествовательных форм [6]. В структурном ядре данной типологии мы выделяем 4 основных повествовательных модели в зависимости от того, вокруг какого количества ценностно-смысловых фокусов формируется наррация: одного (М1), двух (М2), трех (М3) или четырех (М4). Этот момент, связанный с выявлением количественных порядков нарративного акта, предполагает точное видение характера эпической ситуации и конфликта, определяющих принципиальное своеобразие того или иного произведения, и эксплицитно воплощается в системе персонажей и способах их группировок. Таким образом, М1 – М4 отличаются друг от друга по критерию количества персонажей, обладающих высоким нарративным статусом. Проще говоря, это рассказы об одном, двух, трех или четырех персонажах, у каждого из которых своя история и уникальный кругозор.

Безусловно, в любом эпическом произведении, даже небольшом рассказе и короткой новелле, количество персонажей может превосходить отмеченную предельную меру «четыре» в несколько раз, но задача нарратологического анализа заключается в том, чтобы из их обширного круга выделить отдельные фигуры и подвести их под определенные группы и типы.

То, что последний горизонт типологического анализа является возможным и необходимым подтверждает культурология. Так, благодаря исследованиям Ю. М. Лотмана, стало аксиоматичным разграничение бинарных и тернарных моделей культуры, которое отличается еще и региональной локализацией – русские или европейские [4] культурные практики. Моноцентрические культурные практики, или, по Бахтину, феномены моноглизированного авторитетно-авторитарного слова и сознания [1], тоже достаточно полно исследованы историками культуры и теоретиками литературы [3]. Наконец на формирование методологии М4 существенное влияние оказали исследования первой половины XX столетия (М. Хайдеггера [10] и О. Розентштока-Хюсси [7]) и исследовательские проекты последнего десятилетия (В. И. Тюпа [9]).

Попытаемся с учетом данного теоретико-методологического контекста осуществить типологическое распределение двадцати одной военной повести В. Быкова [2], написанных и опубликованных автором между 1958 г. и 2001 г. Выбор данного материала в качестве максимально релевантного в рамках обозначенной проблематики продиктован следующими двумя моментами. Во-первых, концептуально-теоретическим. Учитывая количество моделей (4) и стандартное число этапов так называемой творческой эволюции писателя (три: начало – середина – итог), мы полагаем, что оптимально заполненная типологическая матрица дает 12 произведений и столько же эволюционно-векторных проб как в среде определенного жанра, так и в рамках персональной художественной системы. Быков почти двукратно превосходит эту меру, а следовательно, возникает необходимость определить, какие из опубликованных текстов попали в центральный типологический ряд, а какие оказались феноменами повторения освоенного. Во-вторых, по объему созданного в рамках жанра военной повести Быков существенно отличался от других писателей-фронтовиков, так как средняя количественная мера текстов, написанных в жанре повести, в рамках персональных художественных систем писателей-фронтовиков колеблется вокруг показателя 2-3, но никак не 21 текста. Действительно, Быков был писателем одной темы и одной жанровой формы, это отсутствие стремления написать большой роман о войне, которое для многих авторов было сверхзадачей и обязательной мерой творческих достижений, показательно.

Возвращаясь к творчеству писателя и опуская моменты анализа отдельных произведений, представим итоговое типологическое распределение его текстов по модельным рядам, оговаривая только отдельные, наиболее спорные случаи.

М1: «Последний боец» (1958 г.), «Журавлиный крик» (1959 г.), «Дожить до рассвета» (1972 г.), «Облава» (1986 г.), «В тумане» (1987 г.) = 5 текстов. Данный ряд произведений объединяют в одну типологическую группу, и прежде всего способы фабульно-сюжетной организации перечисленных текстов. Инвариантной

фабульной схемой этих произведений является **закрытая ситуация испытания**, в которую помещается **несколько персонажей**, поставленных перед необходимостью осуществить **важное военное действие** (выполнить боевое задание). В силу различных обстоятельств выполнить задачу по намеченному плану не удается, более того, персонажи попадают в безвыходную ситуацию и, как правило, погибают, причем смерть *последнего бойца* отмечена особым экзистенциальным смыслом и нарративным статусом. Этот фабульный схематизм в творчестве Быкова встречается не только в моноцентрических нарративах, но гораздо шире, поэтому необходимо оговорить принципиальную разницу между произведениями данной группы и других групп, например, повестью «Сотников», которую мы относим к М4. Дело в том, что в мононарративах позиции повествователя и автора в типологическом плане заострены на выделение только одного места в системе персонажей и в событийном, и в идеологическом аспектах. В то время как, например, в «Сотникове» весомым нарративным статусом обладает не только титульный герой, но и Рыбак, его антипод, и образы других казненных (мудрый староста с апостольским именем Петр, многолетняя мать Демчиха, еврейская девочка Бася), и образы своих, которые стали чужими (полицай и каратели) [5].

М2: «Третья ракета» (1962 г.), «Мертвым не больно» (1965 г.), «Волчья стая» (1974 г.), «Его батальон» (1975 г.), «Пойти и не вернуться» (1978 г.), «Карьер» (1986 г.) = 6 текстов. В отличие от предыдущей группы повествовательных текстов, бинарные нарративы Быкова построены на основе морально-этико-прагматической проекции эпического конфликта. Здесь можно говорить не только о двух персонажах, но о двух лагерях, сталкивающихся в эпической ситуации [8]. У Быкова это свои и свои, превратившиеся в чужих, или предатели. Причастные и безучастные, присутствующие и оставляющие статусные места эпического мира. Многообразие комбинаторных версий данной типологической модели определяется тем, что сфера нравственного опыта включает три уровня и направления: моральный, или уровень общечеловеческих принципов и законов, этический, связанный с открытием отношений я – другой и прагматический, исчерпывающийся ситуативным соотношением мотивы – средства – цели. Область художественно-нравственных решений, разработанная Быковым, как правило, сводит в рамках эпического конфликта носителя морального самосознания с выразителя прагматической воли, точнее, инстинктивного желания выжить за счет использования любых средств. Средняя позиция выстраивается автором как проблемная и поисковая, она связана действительно со стремлением изобразить сложный процесс открытия подлинного «я» в себе и в других.

М3: «Западня» (1962 г.), «Альпийская баллада» (1963 г.), «Фронтальная страница» (1964 г.), «Полюби меня, солдатик» (1996 г.) = 4 текста. В целом данная модель представляется одной из наиболее интересных и эвристичных, так как за счет ее реализации канонический эпический конфликт свои – чужие (враги) замещался постканоническим прозаическим конфликтом свои – иные. Как правило, он создавался на основании вовлечения в систему традиционных эпических героев и персонажей образов представителей иных культур.

М4: «Круглянский мост» (1968 г.), «Сотников» (1970 г.), «Обелиск» (1971 г.), «Знак беды» (1982 г.), «Стужа» (1991 г.), «Болото» (2001 г.) = 6 текстов. Кроме отмеченного выше по поводу повести «Сотников», добавим, что эта модель в целом могла достраиваться до полицентрической, что в принципе лежало на границе повести и романа.

Подведем итоги.

1. Несмотря на приблизительно равное количество текстов в каждом из типологических разрядов, следует отметить все-таки в качестве наиболее сильной позицию М4, а наиболее слабой – М3. Сложность последней модели была связана с изменением способов видения эпической ситуации: не столько столкновение *своих и чужих*, сколько введение третьей ценностно-смысловой позиции *иные* («Альпийская баллада» с героиней-итальянкой и «Полюби меня, солдатик» с парой персонажей-австрийцев).

2. Каждый из модельных рядов военных повествований в творчестве Быкова обладал различным характером диахронологической локализации. Так, автор дебютирует в рамках военно-повествовательной субтрадиции, ориентируясь на М1. Моноцентрическая нарративная модель была в целом связана с попытками создания образа эпического героя, призванного выполнять мобилизующие и нормативно-нравственные функции («Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого). Переход к более сложным моделям начал осуществляться в послевоенное время, ближе к концу 1940-х гг., и вызывал сильное сопротивление литературной критики.

3. Направление динамики повествовательных форм в рамках персональной художественной системы Быкова осуществлялось по линии перехода от М1 к М4, что соответствует общему направлению развития рассматриваемой повествовательной субтрадиции. Из трех текстов, созданных и опубликованных в 1990-2000-х гг., один репрезентируют М3 и два – М4, причем автор возвращался к уже освоенному нарративному опыту. Особенно отчетливо этот механизм проявляется на материале сравнения ранней повести «Круглянский мост» и итогового текста «Болото». В обоих случаях ситуация включает в себя небольшое количество персонажей (3 или 4), персонажи поставлены перед необходимостью осуществить боевую задачу, которую первоначально не удается осуществить, но в финале произведения поставленный приказ удается выполнить за счет привлечения еще одного персонажа (местного жителя, подростка, который погибает).

4. Наиболее интенсивным периодом освоения всего поля разных повествовательных форм в творчестве Быкова стал период между 1960 г. и 1980-ми гг. Здесь текстами, которые открывали линию качественного перехода к другим возможностям, стали: «Третья ракета», «Западня», «Круглянский мост» (между 1962 г. и 1968-ми гг.), а текстами, которые свидетельствовали о завершении периода утверждения, стали повести «Пойти и не вернуться», «Фронтальная страница» и «Знак беды».

Список литературы

1. Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7-ми т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3. Теория романа. 880 с.
2. Быков В. [Электронный ресурс] // Библиотека В. Машкова. <http://lib.ru/PROZA/BYKOW/> (дата обращения: 24.11.2013).
3. Добренко Е. А. Формовка советского писателя. СПб.: Академический проект, 1999. 558 с.
4. Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 12-149.
5. Максимов В. «Сотников» В. В. Быкова: между героическим и трагическим // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11. Ч. 1. С. 113-115.
6. Максимов В. В. Спектр нарративных форм военной повести второй половины XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027597> (дата обращения: 08.12.2013).
7. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 2008. 270 с.
8. Тмарченко Н. Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика. Тверь: Изд-во ТверГУ, 2001. 72 с.
9. Тюпа В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
10. Хайдеггер М. Язык [Электронный ресурс]. URL: HEIDEGGER/yazyk.txt (дата обращения: 24.11.2013).
11. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянских культур, 2003. 320 с.

V. BYKOV'S MILITARY NARRATIVE (ATTEMPT OF NARRATOLOGICAL TYPOLOGY)

Maksimov Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
v_v_maksimov@rambler.ru

The main purpose of the article is the development of V. Bykov's military narratives narratological typology. The vision of four main narrative models is suggested on the basis of the ways of the epic situation organization, conflict and personages system. Twenty-one works of the author are distributed according to these models; the conclusions about the diachronological status of each group are made.

Key words and phrases: military narrative; narratological typology; epic situation; conflict; personages system.

УДК 811.111

Филологические науки

В статье рассматриваются типологические признаки глагольных предикатов с абстрактными существительными в позиции предложного дополнения. На семантическом уровне такие абстрактные существительные выступают в предикатной функции, изменяя лексическое значение глагола и его отнесенность к определенному функциональному классу. Предлагаемая типология глагольных предикатов позволяет полнее представить особенности выделенных дистрибутивных моделей с глаголами разных классов в современном английском языке.

Ключевые слова и фразы: абстрактные существительные; предложное дополнение; включающий предикат; включенный предикат; лексико-семантический вариант; акциональные и неакциональные глаголы; функциональный класс.

Михайлюков Леонид Викторович, к. филол. н., доцент
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
lvm500@rambler.ru

ТИПОЛОГИЯ ПРЕДИКАТОВ С АБСТРАКТНЫМ ПРЕДЛОЖНЫМ ДОПОЛНЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ[©]

В данной статье ставится цель рассмотреть особенности функционирования глагольных предикатов с абстрактными существительными в позиции предложного дополнения. Нашей задачей является выявление типологии и определение лексико-семантических групп глаголов, употребляющихся с данным типом дополнения в современном английском языке. Предметом анализа также является влияние абстрактных существительных на семантическую структуру предложения. Материалом исследования являются предложения, взятые из произведений современных английских и американских авторов, дистрибутивных моделей N1 V pr. N2; N1 V N2 pr. N3; N1 V pr. N2 pr. N3.

В синтаксическом плане это затрагивает проявление валентностных свойств того или иного глагола, а в лексико-семантическом – образование в ряде случаев нового лексико-семантического варианта глагола, приводящего к реорганизации его семного состава. Как известно, глаголам свойственна большая подвижность семного состава, ведущая к расширению сематических границ глагольного слова [7, с. 41-42]. Пользователи языка должны обязательно включать знание о значении компонентов, определяющих синтаксическое